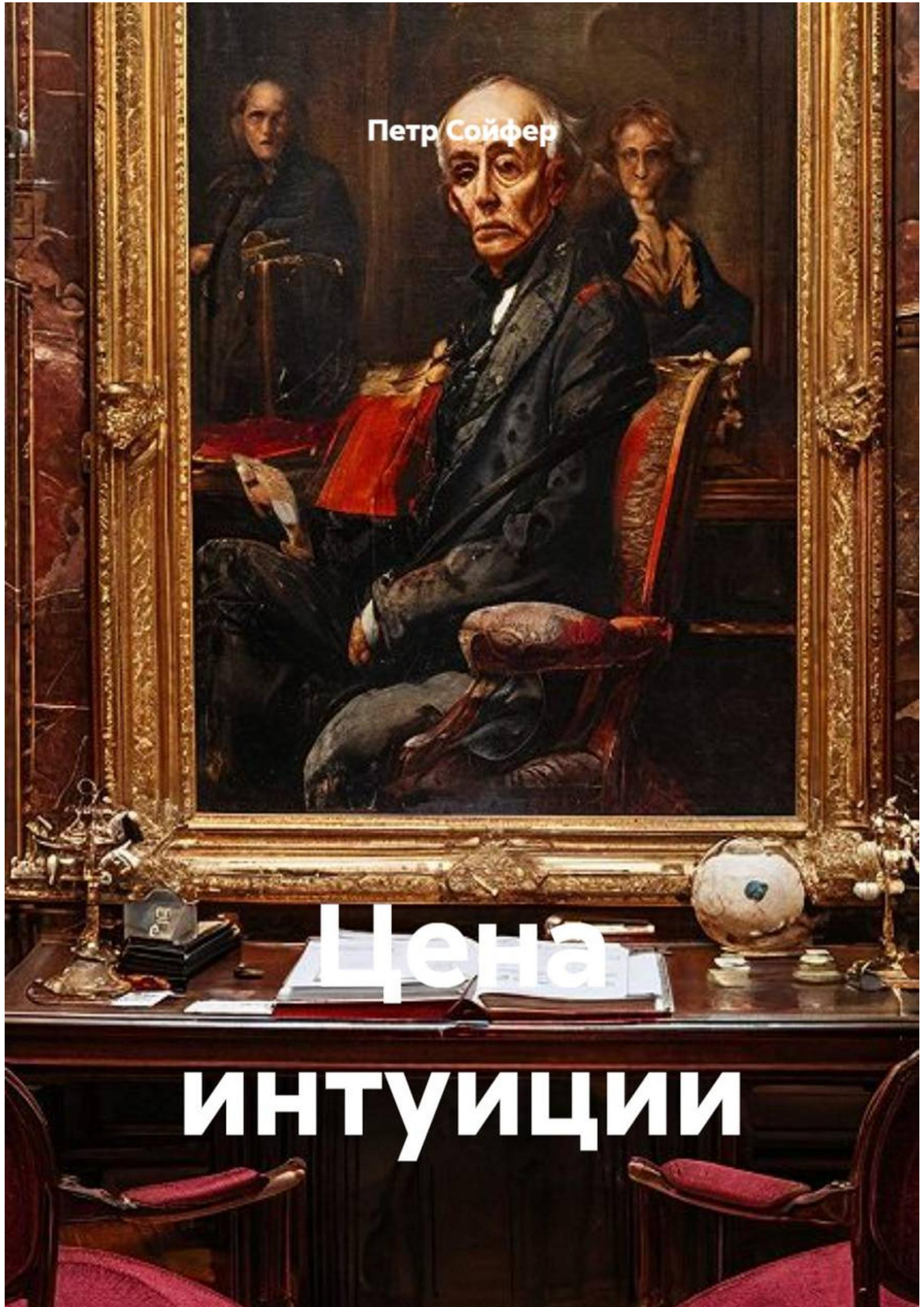

Петр Сойфер

Цена ИНТУИЦИИ

Петр Сойфер

Цена интуиции

«Автор»

2026

Сойфер П.

Цена интуиции / П. Сойфер — «Автор», 2026

Аукционный дом Hôtel Drouot, зал торгов номер девять. Через несколько минут молоток должен опуститься на лот стоимостью пятнадцать миллионов евро — забытое полотно школы Караваджо, неожиданно унаследованное скромной учительницей Софи Маршаль. Но за закрытой дверью кабинета экспертизы находят мёртвым старейшего оценщика Парижа. Полиция видит естественную смерть: тяжёлая астма, пыль, нервы перед торгами. Симона Вассер — бывший главный редактор парижского издательства — смотрит на происходящее иначе. Тридцать лет она читала чужие рукописи в поисках фальши, спрятанной под гладкостью фразы. Теперь перед ней текст иного рода: провенанс, каталожная запись, вычеркнутое слово на полях. И среди воска, орехового лака и шёпота коллекционеров она находит то, что ускользнуло от полиции, — доказательство, что подлинность на этом рынке продаётся и убивает не хуже фальшивки. Новое расследование из цикла «Деконструкция Симоны Вассер».

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Цена интуиции

Доктор Пётр Сойфер
ЦЕНА ИНТУИЦИИ

Le Prix de l'intuition

Детективная новелла

из цикла «Деконструкция Симоны Вассер»

Аукционный дом Hôtel Drouot, зал торгов номер девять. Через несколько минут молоток должен опуститься на лот стоимостью пятнадцать миллионов евро — забытое полотно иколы Караваджо, неожиданно унаследованное скромной учительницей Софи Маршалль. Но за закрытой дверью кабинета экспертизы находят мёртвым старейшего оценщика Парижа. Полиция видит естественную смерть: тяжёлая астма, пыль, нервы перед торгами.

Симона Вассер — бывший главный редактор парижского издательства — смотрит на происходящее иначе. Тридцать лет она читала чужие рукописи в поисках фальши, спрятанной под гладкостью фразы. Теперь перед ней текст иного рода: провенанс, каталожная запись, вычеркнутое слово на полях. И среди воска, орехового лака и шёпота коллекционеров она находит то, что ускользнуло от полиции, — доказательство, что подлинность на этом рынке продаётся и убивает не хуже фальшивки.

Новое расследование из цикла «Деконструкция Симоны Вассер».

Пролог. Магия с шестью нулями

В современном мире нет более иррационального рынка, чем рынок изобразительного искусства.

Вы можете оценить тонну нефти, унцию золота или квадратный метр недвижимости в центре Парижа. У них есть себестоимость, логистика, физическая выгода. Но сколько стоит полметра старого льняного холста, на который с помощью льняного масла и перетертых минералов нанесен слой краски?

Ответ прост: он стоит ровно столько, сколько за него готовы заплатить в определенную секунду под ударом деревянного молотка аукциониста.

Почему картина мастера XVI века, висящая в соборе провинциального городка, стоит несколько сотен евро, а идентичное по стилю, технике и химическому составу пигментов полотно его современника на аукционе в Hôtel Drouot уходит за двадцать миллионов?

Ответ кроется не в красоте. И даже не в таланте. Он кроется в атрибуции и провенансе — в хрупкой, как паутина, цепочке бумаг, легенд и, главное, в коротком слове эксперта.

В эпоху, когда цифровые технологии способны оцифровать мазок кисти с точностью до микрона, а спектральный анализ за секунды раскладывает лак на химические элементы, окончательный вердикт все равно выносит человек. Старик с монокуляром в сухой руке, который смотрит на кракелюр и произносит: «Да, это его рука».

Одно это предложение создает состояние. Одно качание головы превращает полотно в бессмысленный кусок старой ткани.

И именно там, где один жест определяет разницу между нищетой и колоссальным богатством, процветает самый закрытый и жестокий бизнес в мире — подпольные синдикаты фальсификации.

Современный подлог — это давно не работа голодающего художника в чердачной каморке. Это высокотехнологичный промышленный шпионаж. Синдикаты покупают безымян-

ные картины нужной эпохи ради аутентичного холста и подрамника, выращивают микроскопический грибок в климатических камерах, чтобы состарить лак, и находят в архивах имена давно забытых скупщиков, чтобы вписать их в фальшивые довоенные каталоги.

Но даже самый совершенный подлог бесполезен, если его не освятит авторитет эксперта.

Тех, чей вердикт не подлежит сомнению, на всю Европу остаются единицы. Они — верховные жрецы этого рынка. Их глаза видят то, чего не замечают рентгеновские аппараты, а их репутация кажется незыблемой, как стены Лувра.

Они знают главное правило: арт-рынок простит вам завышенную цену, простит спекуляцию и даже скандал. Но он никогда не простит человеку, держащему монокуляр, если тот спутает подлинную страсть с идеально отрепетированной фальшью.

Глава 1. Приступ за закрытой дверью

Зал № 9 аукционного дома Hôtel Drouot гудел задолго до начала торгов. Гул складывался из десятков языков — французского, английского с оксфордскими гласными, гортанного немецкого, отрывистого мандаринского — и все эти голоса, каждый на свой лад, произносили одно и то же имя: Маршаль. Полотно значилось в каталоге под скромным номером 47, но уже неделю его называли только так — «лот года».

Софи Маршаль сидела в третьем ряду и держала программку так, будто это была не глянцева брошюра, а нечто хрупкое, способное рассыпаться от неосторожного движения пальцев. Ей было двадцать девять, она преподавала французский язык эмигрантам в вечерней школе XI округа, и до прошлого месяца самой ценной вещью в её квартире была отцовская пишущая машинка. Теперь за её спиной перешёптывались о пятнадцати миллионах.

Симона Вассер сидела рядом. Она пришла не как эксперт и не как коллекционер — Софи месяц назад разыскала её через общего знакомого, растерянная и напуганная скоростью, с которой раскручивалось дело о наследстве двоюродной бабушки. Симона согласилась быть рядом просто потому, что не хотела, чтобы её молодая знакомая без лощмана вошла в опасный фарватер аукционного мира. Тридцать лет в издательском деле приучили её к одной мысли: любой текст, поданный слишком гладко, стоит перечитать дважды.

Аукционист Анри Дюпре стоял за кафедрой красного дерева, полированной до блеска сотней локтей до него. Ему было под шестьдесят, и голос его звучал так, будто был инструментом, который настраивали десятилетиями — низкий, ровный, с той полнотой, что заставляет зал замолкать раньше, чем прозвучит первое слово. Он умел держать паузу длиной в удар сердца и знал, в какой момент зал готов заплатить на полмиллиона больше, чем собирался пять минут назад.

— Дамы и господа, — начал он, положив ладонь на кафедру, — прежде чем мы начнём торги по лоту сорок семь, я должен...

Он остановился. Не запнулся — остановился, как останавливается человек, вспомнивший, что забыл запереть дверь.

В зале, где полминуты назад царила гнетущая, почти религиозная тишина ожидания, эта пауза прозвучала иначе — не благоговейно, а тревожно.

— Прошу минуту терпения, — сказал Дюпре и сделал знак ассистентке.

Финальный каталожный лист — тот единственный документ, что должен был подтвердить экспертное заключение перед самым ударом молотка, — не поступил из кабинета экспертизы. Помещение находилось этажом ниже, за тяжёлой дубовой дверью с латунной табличкой: «G. Delacroix. Expertise & Attribution». Дверь была заперта изнутри.

Ассистентка постучала. Потом постучала снова, громче. Потом позвала охрану.

Симона почувствовала, как рука Софи сжала подлокотник кресла — не резко, а медленно, будто предчувствие складывалось в теле раньше, чем в голове.

* * *

Кабинет экспертизы располагался в глубине здания, там, где заканчивались публичные залы и начинались служебные коридоры с низкими потолками и запахом сырого камня, поднимавшимся из подземных хранилищ. Когда дверь наконец вскрыли, охранник вошёл первым — и застыл на пороге так, что вошедшая следом ассистентка налетела на его спину.

Габриэль Делакура лежал у мольберта, на котором ещё стояло полотно Маршаль — тёмное, почти чёрное в верхней части, с единственным пятном света, выхватывающим лицо и руки на холсте. Старик лежал на боку, одна рука неестественно вывернута под грудью, другая — вытянута вперёд, будто он до последней секунды тянулся к чему-то на столе. В скрюченных пальцах был зажат ингалятор — маленький, серый, с потёртой этикеткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.